

Через некоторое время в кухню вошёл А Шэн, неся на плече вязанку дров. Увидев А Ци, он прямо и громко поздоровался с ним, его голос был грубым и громким. На кухне, кроме треска горящих дров и шума от жарки Матушки Чжан, воцарилась тишина. Все, словно ожидая представления, устремили взгляды на двоих.

А Ци чувствовал себя крайне неловко. Всё это было лишь слухами, но, передаваясь из уст в уста, они превратились в нечто реальное. А Ци понял, что слухи, распространяясь, могут создать иллюзию правды, а А Шэн, как и его внешность, был простодушным и не замечал, что вокруг него кипят страсти. Его главными недостатками были большой аппетит и глупость.

— Эй, А Ци, почему ты меня игнорируешь? — громко крикнул А Шэн.

А Ци, не имея выбора, лишь улыбнулся в ответ, а вокруг все смотрели на них с усмешкой.

— Что вы тут стоите? Быстро за работу! — Матушка Чжан всё ещё обладала авторитетом, и её окрик заставил всех заняться своими делами.

С того вечера, когда они вместе тайком ели на кухне, А Шэн стал считать А Ци своим другом. Он был простодушным и прямолинейным, и мало кто хотел с ним общаться, поэтому он особенно ценил эту неожиданную дружбу. Увидев, как А Ци щурится от огня у печи, и вспомнив, что он только что выздоровел, А Шэн предложил помочь ему разжечь огонь. А Ци, естественно, отказался, но А Шэн, упрямый, настаивал. Они спорили у печи некоторое время, а вокруг раздавались смешки. А Ци, сдаваясь, уступил место А Шэну и отошёл в сторону.

Любопытная Гуйфэнь, не сдержавшись, пока Матушка Чжан вышла, поддразнила А Шэна:

— Эй, А Шэн, какие у тебя отношения с А Ци? Раньше ты никогда нам не помогал.

Вокруг раздался смех, а лицо А Ци покраснело, затем побледнело.

— Хе-хе... — А Шэн глупо улыбнулся.

— Ты что, влюбился в А Ци?

— Хе-хе... — А Шэн, будучи туповатым, не понял намёка и продолжал улыбаться.

А Ци, уже не выдержав болтовни этих женщин, подошёл к ним и злобно посмотрел на них, стиснув зубы. Но его грозный вид не произвёл впечатления, а лишь сделал его ещё более смешным.

— А Ци, кого ты пугаешь? Отойди!

А Ци послушно отошёл в сторону, выглядел жалко, но в душе он был полон обиды. Якобы ничего не произошло, но они превратили это в шутку. А Ци, всё больше раздражаясь, закричал на них:

— Заткните свои гнилые рты! У меня с А Шэном ничего нет! Если ещё раз услышу такие разговоры, я вас прибью!

Его слова были громкими, но не имели веса. Гуйфэнь и другие не испугались, а лишь ещё больше насмеялись, считая, что А Ци пытается скрыть правду.

В этот момент вернулась Матушка Чжан, и на этом всё закончилось. Иначе эти служанки не остановились бы, пока не обругали бы А Ци вдоль и поперёк.

В следующие несколько дней история постепенно забылась, и все нашли новые темы для обсуждения. А Ци не придавал этому большого значения. Он был мужчиной, а не девушкой, и его репутация не имела для него особого значения. Всё это было как плохой запах, который со временем исчезает.

Если бы не встреча с Ань Жуном и Чунь Жуй, А Ци никогда бы не задумался об этом глубже.

Во внутреннем дворе, где дул холодный ветер, А Ци одиноко подметал землю большим веником. Время от времени мимо проходили люди, но он продолжал своё дело, сгибаясь и размахивая веником, сопровождаемый шелестом бамбуковых ветвей.

Внезапно в его поле зрения появилась пара ног в розовых вышитых туфлях. А Ци медленно поднял голову и увидел Чунь Жуй. Неподалёку стоял Ань Жун, одетый в белые одежды. Давно не видел его, А Ци заметил, что он всё так же холоден и отстранён.

— Господин Лин, — почтительно поздоровался А Ци.

Чунь Жуй была самой взволнованной в этой ситуации. Всё изменилось: вчера этот человек лежал на кровати господина, а сегодня он даже не смел смотреть на него, полностью униженный. Теперь ей больше не нужно было терпеть этого раба-черепаху, и она могла открыто его унижать.

— А Ци, мне сказали, что ты и А Шэн однажды ночью на кухне занимались чем-то тайным...

А Ци знал, что она говорила это специально для Ань Жуна, но сейчас его больше удивляло, почему этот мужчина, который, казалось, ненавидел его, всё ещё стоит во дворе.

Чунь Жуй, видя, что А Ци молчит, с усмешкой продолжила:

— А Ци, почему ты не отвечаешь? Может, это правда?

Ань Жун, всё это время молча наблюдавший, наконец заговорил, его голос был холоден:

— Раб-черепаха подходит рабу-черепахе. Вот так и должно быть.

В голове А Ци внезапно всплыло воспоминание о том, как на пустынной дороге этот человек ударил его по лицу и сказал, что он недостойн. Тогда А Ци подумал: «Недостойн, так недостойн, я ведь низок». Он никогда не задумывался, кто ему подходит. Но сейчас этот человек сказал ему, что раб-черепаха подходит рабу-черепахе. Всё, что он сдерживал, вырвалось наружу, и его сердце пронзили тысячи игл.

А Ци поднял глаза, полные скрытой печали, и произнёс то, чего Ань Жун не ожидал:

— А Шэн... хороший человек. Если он не будет против того, что я мужчина, я бы хотел прожить с ним всю жизнь.

Хотя он получил то, что хотел, в душе Ань Жуна было разочарование, но внешне он оставался холодным:

— Это к лучшему.

Ань Жун обошёл А Ци и ушёл, а Чунь Жуй, следуя за ним, бросила на А Ци торжествующий взгляд.

Когда Ань Жун уже собирался свернуть за угол, А Ци крикнул ему вслед:

— Я всегда слушался тебя, я не мечтал, я больше ни о чём не мечтаю.

Ань Жун на мгновение замер, но затем быстро исчез за углом, оставив огромный пустой двор и стоящего в нём А Ци.

В середине ноября Чжао Минлан снова появился, полный энергии, несмотря на зимнюю стужу. Войдя в дом, он сразу направился на второй этаж. На лестнице он столкнулся с А Ци, который протирал перила. Чжао Минлан сразу узнал в нём того самого раба-черепаху, который подслушивал, и остановился перед ним. А Ци, почувствовав на себе его взгляд, испугался и, схватив ведро с тряпкой, убежал.

В комнате на втором этаже Чжао Минлан снял плащ и повесил его на ширму. Он привычно налил себе чай из маленького фарфорового чайника, но, сделав глоток, сморщился:

— Чай холодный, на вкус горький и терпкий.

Ань Жун лежал на кушетке, не отрывая глаз от книги, выглядел расслабленным. В комнате было тепло от горящего камина, и его щёки слегка порозовели.

— Почему ты сегодня заглянул? — его голос был холодным, как эхо в пустыне.

Чжао Минлан, полный уверенности, сказал:

— Ань Жун, подумай, как ты меня отблагодаришь.

— Что ты имеешь в виду?

— Помнишь Шэнь Цзючжэна, о котором я тебе говорил? Я узнал, что его жена каждый год первого декабря отправляется в храм Таожань на горе Цинтин, чтобы помолиться. Её дети всегда сопровождают её.

Чжао Минлан, видя, что Ань Жун молчит, словно размышляя, с уверенностью продолжил:

— Если не удастся познакомиться с Шэнь Цзючжэном, то его дети — тоже неплохой вариант. В тот день я приду, и мы пойдём вместе. И... я слышал, что дочь Шэнь — одна из самых красивых девушек в Гуанлине.

Ань Жун, видя его распутный вид, лишь усмехнулся.

<http://bllate.org/book/16237/1459343>